

DOI 10.15593/perm.kipf/2018.2.07

УДК 323.396:330.836

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

А.Н. Николаев

Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Саратов, Россия

Данная статья представляет собой краткий очерк истории формирования и трансформации советской технократической элиты. В статье утверждается, что формирование советской технократической элиты после 1917 года шло по трем направлениям: создание новой советской технической интеллигенции, выдвижение на руководящие должности рабочих и крестьян и привлечение старых дореволюционных специалистов. Процесс превращения «буржуазных специалистов» в технократическую элиту не получил своего развития, так как данная группа не была допущена к принятию политических решений.

Сформировавшаяся в конце 30-х годов отечественная технократическая элита в результате воздействия целого комплекса объективных факторов постепенно превратилась в одну из самых влиятельных групп советского общества. Она входила в состав формально единой номенклатуры, но обладала целым набором признаков самостоятельной социальной единицы. С течением времени противоречия между партийной и хозяйственной составляющими номенклатуры все более обострялись. Тем не менее необходимо отметить взаимное влияние и взаимодействие партийной элиты и технократии. Превращение технократии в важнейший источник пополнения партийных структур постепенно отражалось на стиле управления и на содержании принимаемых на самом высшем уровне решений. КПСС удалось победить отечественных технократов, однако это была пиррова победа.

В 80-е годы технократическая элита выступила основным субъектом трансформации общественного строя в нашей стране. Многие руководители индустрии выступили сторонниками реформирования сложившихся в стране общественных отношений. Первый этап перестройки («ускорение») по своему содержанию носил явно технократический характер. Непосредственные результаты экономических реформ 80-х годов позволили отечественной технократии существенно укрепить свои позиции. Давление директорского корпуса стало важнейшим фактором выбора окончательного варианта приватизации и корректировки курса российского правительства в начале 90-х. Технократия также выступила в качестве посредника между номенклатурой и «демократами» при формировании новых властных элит.

В середине 90-х годов отечественная технократия в известном смысле вернулась к исходной точке, пройдя определенный цикл.

Ключевые слова: технократическая элита, технократия, хозяйственные руководители, власть, номенклатура, перестройка, приватизация.

FORMATION AND TRANSFORMATION OF THE SOVIET TECHNOCRATIC ELITE

Aleksandr N. Nikolaev

Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University
of Economics, Saratov, Russian Federation

In this article it is presented the history of the Soviet technocratic elite formation and changes. It has been affirmed that formation of the Soviet technocratic elite was made in three directions after 1917: formation of new Soviet technocratic intelligentsia, advancement of workers and peasants to the executive positions and involvement of old pre-revolutionary specialists. The process of "bourgeois specialists" transformation into technocratic elite was not developed as they were not admitted to political decision-making.

Formed in the late 1930-s, native technocratic elite gradually changed into one of the most influential group of the soviet society due to the impact of several objective factors. Formally it was the part of the single nomenclature but in fact there was the entire set of features which characterized it as the independent social unit. In the course of time contradictions between party's nomenclature and executive personnel became more acute. Nevertheless, it is necessary to mention mutual influence and interaction of the party's elite and technocracy. Technocracy's conversion into the most important resource of the Party's structures completion gradually influenced the management style and the top level decisions. Domestic technocrats were successfully won by the CPSS; however it was the Pyrrhic victory.

In the 1980-s technocratic elite became the main subject of the social order transformation in our country. Most industrial management appeared to be the supporters of the existed social relations' reforms. The first stage of the so called perestroika ("acceleration") had the technocratic character. Immediate results of economic reforms of the 1980-s allowed domestic technocrats considerably making their positions strong. The pressure of industrial managers became the most important factor in the final choice of privatization and adjustment of the Russian government course at the beginning of the 1990-s. Technocratic bureaucracy also came in between nomenclature and "democrats" in the process of new authoritative elites' formation.

In the middle of the 1990-s domestic technocracy definitely cycled came back to the original point in a sense.

Keywords: technocratic elite, technocracy, industrial managers, power, nomenclature, perestroika, privatization.

Различные варианты концепций технократии разрабатываются уже около ста лет. За это время понятие технократии трансформировалось от утопии о замене политической власти рациональным научным управлением сообществом инженеров и ученых до признания технократов важной составной частью властвующей элиты современного общества.

Российская технократия отличается весьма значительной спецификой, вызванной своеобразными условиями ее генезиса. Главное из них состоит в том, что основной период становления развитого индустриализма, когда и происходит превращение технократов в самостоятельную социальную силу, Россия прошла в условиях монополии одной партии на власть и фактической монополии государства на собственность. В результате установления тоталитарного режима в нашей стране нарушилась классическая последовательность смены источников власти, изложенная Э. Тоффлером [1, с. 25–46]. Согласно Тоффлеру, основными источниками власти в человеческом обществе всегда были насилие, капитал и знание, но в разные исторические эпохи последовательно преобладал один из них. В западных странах индустриальная революция совершалась при доминирующем господстве капитала, а в России капитал лишь начал индустриализацию, окончательное становление индустриального общества произошло при доминировании фактора политического насилия. В нашей стране переход к индустриальному обществу произошел в результате внеэкономического принуждения, осуществленного под руководством большевистской партии. Все хозяйственные руководители в СССР в отличие от западных коллег являлись государственными служащими и элементами партийной номенклатуры. В связи с этим к отечественной технократии правомерно применять термин «технобюрократия».

Формирование советской технократической элиты после 1917 года началось по трем направлениям: за счет создания новой советской технической интеллигенции, выдвижением на руководящие должности рабочих и крестьян и путем привлечения старых дореволюционных специалистов.

Отношение коммунистов к носителям научно-технического знания носило противоречивый характер. С одной стороны, наука и техника рассматривались марксистами в качестве важнейших факторов построения нового общества. В. Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти» подчеркивал, что «без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен» и, следовательно, советская власть должна пойти на выплату определенной «дани» этим специалистам [2, с. 178, 181]. Вместе с тем в соответствии с классовым подходом научно-технические специалисты рассматривались как представители чуждой в социальном отношении «прослойки», которые «в большинстве своем неизбежно пропитаны буржуазным мирозерцанием и навыками» [3, с.52]. Наиболее четко позиция большевистского руководства по отношению к «буржуазным специалистам» выражена в ленинских словах: «Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы. Одновременно необходимо учиться у них. При этом – ни малейшей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно» [4, с. 6–7].

В результате политики сотрудничества уже к началу 20-х годов произошло улучшение материального положения интеллигенции, были значительно расширены права инженерного персонала на предприятиях, а также открыт доступ «спецам» к руководящей работе в центральных учреждениях. Данный период можно охарактеризовать как первую попытку оформления технократической элиты. В самом деле, старые специалисты представляли собой достаточно четко очерченную социальную группу, объединенную не только образованием и профессиональным статусом, но и осознанием своего специфического положения в советском обществе. Инженеры, ученые, администраторы старой школы ориентировались на рационалистические методы управления, и в данном отношении одни осознанно, другие бессознательно противостояли большевикам с их приматом идеологии и политики. Специалисты не занимали высших постов, но они составляли ту сеть экспертов, консультантов, заместителей, которые могли на стадии предварительной подготовки предрешишь многие вопросы. Однако процесс превращения «буржуазных специалистов» в технократическую элиту не получил своего развития и был прерван еще на начальной стадии.

Среди других причин поражения «первой технократической волны» в России можно назвать недоступность для «спецов» сферы принятия политических решений. В этот период, как известно, происходит все больший сдвиг реальной власти от государства к партии. Партийный аппарат превращается в место решения практически всех ключевых вопросов жизни страны и отдельных регионов. А с введением номенклатурного принципа назначения хозяйственных кадров беспартийным специалистам становилось все труднее конкурировать с политически надежными «выдвиженцами». Старая техническая элита была лишена возможности осуществлять какую-либо легальную организационно-политическую консолидацию, а также не имела такого важнейшего рычага власти, как пресса.

Решающий удар по позициям «буржуазных специалистов» был нанесен развернувшейся в конце 20-х годов кампанией по борьбе с вредительством. Она началась так называемым «шахтинским делом», вслед за которым последовал еще ряд судебных процессов, в большинстве своем признанных в настоящее время сфальсифицированными. Только за 1931 год по линии ОГПУ с формулировкой «за участие во вредительской организации» было осуждено 85 профессоров и 1152 инженера и техника [5, с. 99]. Политическим результатом этой мощной репрессивно-пропагандистской кампании стало заметное снижение престижа технической интеллигенции, ее общественного статуса. Хотя старые специалисты оставались элементом советского кадрового потенциала, роль их неуклонно снижалась. После репрессий 1928–1931 годов стала очевидной иллюзорность надежд старой технической элиты на какое-либо политическое влияние.

В 20–30-е годы наряду с «буржуазными специалистами» руководство индустрией обеспечивали так называемые «красные директора» или «выдвиженцы» – коммунисты без технического образования, которых партия поставила на руководящие хозяйственные должности для обеспечения партийной линии. Масштабы выдвиженчества были весьма значительными. Как отмечалось на XVI съезде ВКП(б), к началу 1930 года выходцы из рабочих составляли среди высшего управленческого персонала промышленных предприятий 53 % [6, с. 149]. Должности высших руководителей промышленности на уровне наркоматов, главков, трестов занимали почти исключительно старые большевики, а директорами предприятий обычно двигались кадровые рабочие-коммунисты.

Подобно старым специалистам «красные директора» также довольно скоро стали ощущать себя специфической социальной группой. У них быстро формировалось чувство корпоративной солидарности. Однако вряд ли правомерно утверждать, что уже к началу 30-х годов

произошло превращение партийцев-хозяйственников в политическую группу давления. «Красные директора» ощущали себя прежде всего партийными работниками, «солдатами партии», а потом уже хозяйственниками.

С началом форсированной индустриализации положение «красных директоров» значительно укрепилось. Их профессиональный престиж, общественный статус, материальный уровень чрезвычайно возросли. Руководители промышленности начали вести себя все более независимо по отношению к партийным и советским органам, в первую очередь местным. Именно в это время начинают формироваться противоречия между складывавшимися отраслевыми и региональными элитами.

Руководителей-выдвиженцев, несмотря на превращение в специфическую социальную группу, еще нельзя считать советской технократической элитой. По своему образованию и менталитету советские хозяйственники первого призыва не могут быть отнесены к технократии. Они были неотъемлемой частью партии, и для них политические приоритеты явно доминировали над ценностями рационализма. Можно предположить, что тенденция усиления политической роли «красных директоров» продолжала бы развиваться, но «большая чистка» второй половины тридцатых годов прервала этот процесс.

Массовые репрессии 1936–1938 годов фактически покончили с существованием выдвиженцев как самостоятельной группы влияния. Были арестованы и погибли большинство наркомов, руководивших советской индустрией. Вслед за их арестом обычно следовал разгром кадров в соответствующих отраслях. Еще до начала главной волны репрессий, выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года, В. Молотов сообщил, что всего за пять месяцев были осуждены как члены антисоветских организаций 585 сотрудников аппарата наркоматов тяжелой и оборонной промышленности, 144 сотрудника наркомлегпрома и 137 – наркомата путей сообщения [7, с.18]. Были расстреляны или отбывали срок в лагерях тысячи директоров заводов и фабрик, начальников строителств, руководителей железных дорог, а также других хозяйственников.

Следствием «большой чистки» стало почти полное обновление руководящих кадров промышленности, строительства, транспорта и несколько в меньшей степени научно-технической сферы. Новые руководители представляли собой не просто другое поколение, но и качественно иное явление. В отличие от выдвиженцев это были специалисты соответствующего профиля, выпускники советских вузов и техникумов. Причем путь от студенческой скамьи до самых высоких постов у них занимал порой всего несколько лет. Так, В. Малышев стал наркомом тяжелого машиностроения СССР через пять лет после окончания МВТУ, а А. Шахурин возглавил наркомат авиационной промышленности через восемь лет после окончания вуза.

По решению июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) подготовка новых технических специалистов осуществлялась ускоренными методами и в расширенных масштабах. Уже за первую пятилетку количество студентов в вузах индустриального профиля выросло в 5 раз [8, с. 64–65]. По сравнению с «буржуазными спецами» резко изменился и социальный облик новых инженеров: в большинстве своем это были выходцы из рабочих и крестьян, как правило коммунисты или комсомольцы. Новые руководители уже все имели отвечающую требованиям партии идеологическую и политическую ориентацию. Именно в данный период на ключевые хозяйственные посты выдвинулось «брежневское поколение» (А. Косыгин, Д. Устинов, Н. Байбаков, П. Ломако, В. Новиков и др.).

Новые руководители имели незначительный опыт управления, но зато они были готовы выполнить любую задачу, поставленную партией и «товарищем Сталиным». У представите-

лей нового поколения хозяйственников отсутствовало стремление к какой-либо самостоятельной политической деятельности. С одной стороны, в силу молодости и отсутствия политического опыта они смотрели на партийных вождей, как на богов, а с другой – являясь свидетелями массовых репрессий, они навсегда сохранили страх перед всемогуществом высшей власти. Именно эти люди стали первым поколением отечественной технократической элиты.

Можно утверждать, что на рубеже 30–40-х годов в нашей стране завершился генезис технократии (технобюрократии) как особой социальной группы. В результате первых пятилеток была создана мощная индустриальная сфера, действовала единая система подготовки специалистов в вузах и техникумах, сформировалась отраслевая структура управления народным хозяйством. В этот период на руководящие хозяйственные должности фактически одновременно были выдвинуты тысячи людей, сходных по происхождению, образованию, политическим позициям, профессиональной карьере. Хозяйственные руководители являлись важной составной частью сложившейся к тому времени партийной номенклатуры и одновременно – в силу монополии государственной собственности органическим составным элементом госаппарата. Хотя партийное руководство стремилось ограничить самостоятельность хозяйственников, объективно их роль неуклонно возрастала, что объяснялось главным образом потребностями укрепления оборонного потенциала в условиях противостояния сверхдержав. Примерно с сороковых годов начинается этап агрегации интересов технократии, превращения ее в относительно самостоятельную группу давления.

Среди причин формирования советской технократической элиты – общая стабилизация номенклатурной системы; необходимость создания военно-промышленного комплекса, способного конкурировать с ведущими капиталистическими державами, и выход страны на новую стадию индустриального развития, потребовавшую усиления роли научно-технических специалистов. Одновременно происходил рост массовой социальной базы технократии в лице работников научно-индустриальной сферы, и повышение престижа труда инженеров и ученых в 50–60-е годы.

В послевоенный период стремительными темпами росла численность группы, составляющей основу технократии – инженерно-технических работников. С 1940 по 1980 год их количество в промышленности возросло в пять раз [9, с. 136]. Еще быстрее увеличивался удельный вес ученых технического профиля. По этим показателям СССР вышел на первое место в мире.

Стремительный количественный рост научно-технической интеллигенции сопровождался ее социальным расслоением. В послевоенные десятилетия разделение ИТР и ученых на специалистов-исполнителей и руководителей приобретало все более отчетливый и устойчивый характер. Сформировалась своеобразная технократическая пирамида, основанием которой были около 10 млн рядовых представителей научно-технической интеллигенции, первые этажи составляли несколько миллионов начальников производств, цехов, лабораторий и других подобных подразделений, выше – несколько десятков тысяч директоров предприятий и научных учреждений и несколько тысяч высших чиновников индустриальных министерств и ведомств и вершина – несколько десятков членов правительства, из них 1–3 входили в состав Политбюро ЦК КПСС.

По своим профессиональным функциям, социальным параметрам, объему властных полномочий представители различных ступеней данной пирамиды существенно различались. Поэтому целесообразно выделить наиболее влиятельную группу руководителей научно-индустриальной сферы, которую можно именовать технократической элитой. На наш взгляд, к ней целесообразно относить директоров предприятий, объединений, трестов, НИИ, а также

руководящий состав министерств и ведомств не ниже начальника отдела. Количественный состав этой группы менялся и к началу 80-х годов достигал почти 90 тыс. человек. Между технократической элитой и массой рядовой интеллигенции не было непреодолимых барьеров для вертикальной мобильности, но в то же время существовали заметные отличия почти по всем социальным показателям: материальному уровню, образованию, возрасту, полу, происхождению и т.п.

А самое главное – технократическая элита входила в состав правящего слоя партийно-государственной номенклатуры, причем в большинстве не ниже номенклатуры обкома.

Формы партийного контроля за деятельностью хозяйственников были весьма многочисленны: подбор и расстановка кадров, их идеологическая обработка, контроль первичных парторганизаций, выработка стратегической линии экономического развития, непосредственное вмешательство в оперативную управленческую работу со стороны отраслевых отделов парторганов [10, с. 156–165].

Партийное руководство воспринималось технократами неоднозначно. С одной стороны, КПСС создавала специфические рычаги воздействия на подчиненных, обеспечивала дополнительные атрибуты власти, открывала возможности карьеры в других сферах и, что немаловажно, в какой-то мере снимала с хозяйственников ответственность за конечные результаты развития экономики, поскольку стратегия определялась партией. С другой стороны, влияние КПСС было связано с необходимостью соблюдения партийной дисциплины и определенных ритуалов, вносило в управление идеологический иррациональный момент, наконец, ограничивало властные функции и самостоятельность руководителей. Поэтому с течением времени противоречия между партийной и хозяйственной составляющими номенклатуры все более обострялись.

Взаимодействие партийной элиты и технократии не было односторонним. Постепенно усиливалось и обратное влияние технократов на партию. Степень и характер этого влияния существенно менялись на протяжении десятилетий. Поколению хозяйственников, занявших высокие должности в конце 30-х годов, пришлось пройти длительный путь от послушных исполнителей воли вождя до элиты, оказывавшей существенное самостоятельное влияние на выработку политического курса. Если говорить о борьбе в высшем руководстве, на уровне политбюро и секретариата ЦК, то здесь представители технократической элиты долгое время играли роль статистов. Как свидетельствуют доступные автору документы и воспоминания участников событий, ни в послевоенном столкновении «ленинградской группировки» с группой Берии – Маленкова, ни в борьбе за власть после смерти И. Сталина, ни в отстранении от должности Н. Хрущева руководители индустрии не принимали активного участия. Только с выдвижением на пост председателя Совмина А. Косыгина они получили в высшем эшелоне власти своего представителя. Впрочем, после нескольких попыток осуществлять самостоятельную линию он стал играть явно подчиненную роль по отношению к Л. Брежневу.

Характеризовать политическое влияние технократической элиты только на основании позиции в политбюро и правительстве было бы явно недостаточно. Даже в западных странах, где политический процесс носит сравнительно открытый характер, технократия использует преимущественно методы скрытого воздействия, тем более это справедливо применительно к советской системе. Д. Гэлбрейт показал, что техноструктура осуществляет свое влияние главным образом на основе принципа совместимости, добиваясь через цепочку организационных структур отождествления целей государства и общества со своими собственными целями [11, с. 204]. Подобная методика действий была довольно успешно реализована технократической элитой и в нашей стране.

Поскольку все важные управленческие решения принимались в ходе длительного аппаратного согласования на разных этапах государственного и партийного аппарата, хозяйственники научились достигать своих целей за счет скрытого, а порой и открытого лоббирования. Анализ постановлений партии и правительства, изданных в 50–70-е годы, позволяет зафиксировать два момента. Во-первых, год от года в этих документах все больше места отводится проблемам, входящим в круг непосредственных интересов технократической элиты: совершенствование системы управления экономикой, изменение отраслевых пропорций, ускорение научно-технического прогресса, расширение прав предприятий. Во-вторых, по всем указанным вопросам все чаще принимаются решения, отвечающие либо интересам отдельных группировок отраслевой технократии (самая мощная среди них представляла ВПК), либо интересам технократической элиты в целом. Как отмечала в своем исследовании О. Гаман-Голутвина, «Во взаимодействии структур, выражавших интересы хозяйственных субъектов (министерства и ведомства) и интересы государства (ЦК КПСС, Совмин и Минфин), постепенно, но неуклонно и существенно возрастало влияние первых [12, с. 328].

Политическое влияние технократии осуществлялось и еще одним путем: выдвижением на руководящую партийную работу представителей инженерной и научной интеллигенции. На протяжении всего послевоенного периода можно проследить отчетливое действие тенденции на возрастание доли лиц с высшим техническим образованием и хозяйственников различного уровня среди делегатов партийных съездов и конференций, членов партийных органов, работников партаппарата. Например, представительство технократической элиты среди членов ЦК КПСС, по подсчетам автора, увеличилось от XXII к XXV съезду КПСС с 13,1 до 20 %. Аналогичная тенденция действовала и на региональном уровне. Если в 1961 году среди первых секретарей обкомов в РСФСР имели высшее техническое образование 22,5 %, то в 1976 году – уже 41,4 %.

Преобразование технократии в важнейший источник пополнения партийных структур постепенно отражалось на стиле управления и на содержании принимаемых на самом высшем уровне решений. В ходе межэлитной циркуляции кадров происходил обмен ценностными ориентациями, психологическими установками, традициями. Первоначально во взаимодействии партийной и хозяйственной элит преобладало влияние со стороны партии, выражавшееся в политическом и идеологическом давлении, но постепенно технократия наряду с кадровой экспансией начала осуществлять и «идеологическую эрозию». Можно утверждать, что увеличение удельного веса технической интеллигенции в рядах КПСС способствовало своеобразной «деидеологизации» партийных работников. Для технократов с партийными билетами марксистско-ленинское учение и идея построения коммунизма все больше превращались в своего рода икону, формальность, не имеющую отношения к задачам практической деятельности. Большинство технократов вполне искренне поддерживали социалистический строй, но не по идеологическим причинам, а главным образом потому, что он давал им высокое положение и материальные блага.

КПСС удалось победить отечественных технократов, превратив их в элемент тоталитарного механизма. Думается, однако, это была пиррова победа. С каждым десятилетием представители инженерно-технической и научной интеллигенции занимали все больший удельный вес в партийно-государственной номенклатуре, что постепенно, но неуклонно вело к трансформации ее социальных и духовных параметров. В условиях НТР партбюрократия вынуждена была предоставлять определенную свободу специалистам в их профессиональной деятельности, тем самым попадая от них в зависимость. Сохраняя политический контроль над технократией, КПСС подверглась ответному мощному воздействию рациона-

листических и прагматических ориентаций. В результате коммунистические ценности становились для большинства партийных работников всего лишь косметической окраской.

В отечественной литературе можно встретить различные точки зрения относительно соотношения реальной власти хозяйственной и партийной элит в СССР. Это соотношение следует оценивать в динамике. Вплоть до середины 80-х годов партийный аппарат сохранял приоритетное положение, но технократическая элита неуклонно укрепляла свои позиции, а накануне «перестройки» было достигнуто фактическое равновесие влияния. Данный факт и послужил одной из главных детерминант последующих событий.

Очередной этап борьбы отечественной технократии за власть начинается в 80-е годы. Многие руководители индустрии выступили сторонниками реформирования сложившихся в стране общественных отношений. Среди причин следует назвать фактическое прекращение экономического роста, научно-техническое отставание от Запада, желание хозяйственников получить большую экономическую самостоятельность и кадровый застой, препятствовавший продвижению во власть нового поколения руководителей.

Длительное время до этого отечественная технократия стремилась повлиять на содержание политических решений по довольно узкому кругу проблем, непосредственно затрагивающих ее ведомственные, корпоративные интересы. Главным образом это касалось усиленного финансирования соответствующих проектов и отраслей. Однако по мере того как социалистическая экономика все более демонстрировала свою неэффективность, в среде хозяйственников стало нарастать недовольство стратегической линией партии в целом. Впрочем, это недовольство продолжало оставаться в рамках совершенствования социализма. К середине 80-х годов в стране сложилась ситуация, позволившая технократической элите вступить в борьбу за доминирующее политическое влияние. Во-первых, смерть подряд трех генсеков создала атмосферу неопределенности в высшем партийном руководстве. Во-вторых, в связи с обострением международной обстановки выросло значение технобюрократии, работавшей в оборонных отраслях. А в-третьих, кризисное состояние во всех сферах общественной жизни становилось все более явным.

В условиях тоталитаризма технократия не могла претендовать на формирование какой-либо политической оппозиции. Но процесс «идеологической эрозии» давал свои плоды. Постепенно происходила трансформация взглядов в рядах номенклатуры. Не претендуя на радикальное изменение общественно-политического строя, руководители-технократы неосознанно ориентировались на модель развития, которую можно определить как «социалистически оформленную модернизацию». Речь, конечно, не шла о четкой теоретической концепции или целостной программе преобразований. Скорее можно говорить об эклектической смеси социально-экономических и научно-технических представлений о перспективах развития страны «на современной основе». Содержание этих представлений сводилось к признанию необходимости прагматических внутрисистемных изменений с целью повышения экономической эффективности без существенных изменений политического строя.

Тенденция к технократической модернизации режима, обозначенная Ю. Андроповым, приобрела отчетливые контуры с приходом к власти М. Горбачева. Самого М. Горбачева по социальным параметрам вряд ли можно назвать технократом. Как известно, будучи гуманитарием по образованию, он с молодости делал партийно-комсомольскую карьеру. Однако основную поддержку на первом этапе ему оказали представители номенклатуры, имевшие, так сказать, технократическое происхождение. В определенном смысле они инициировали горбачевские реформы. Хозяйственники, разумеется, не могли сыграть определяющую роль непосредственно в избрании нового генсека. Но руководители партии, принимая решение, не могли в той или иной степени не учитывать мнение различных кругов высшей номенклатуры.

К тому же, как отмечалось выше, к этому времени технократы уже составляли значительную часть Центрального комитета.

Роль технократии в «перестройке» наиболее отчетливо прослеживается в двух аспектах: идеология реформ и кадровая политика. Сама концепция реформ первоначально имела очевидную технократическую направленность. Вспомним, что в 1985–1986 годах речь шла не о рынке, не о демократизации и даже не о «перестройке», а об «ускорении». В своем выступлении на апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС М. Горбачев в качестве первостепенной задачи «дальнейших изменений и преобразований» назвал «научно-техническое обновление и достижение высшего мирового уровня производительности труда», а на последнее место поставил «активизацию всей системы политических и общественных институтов».

В полной мере технократическое влияние нашло свое отражение в решениях XXVII съезда КПСС. Стратегической задачей было провозглашено ускорение социально-экономического развития страны. Его можно добиться только за счет ускорения научно-технического прогресса. Поскольку на устаревшем оборудовании этого не сделать, необходимо осуществить кардинальную реконструкцию народного хозяйства; чтобы провести реконструкцию, надо перестроить инвестиционную и структурную политику в пользу отраслей, определяющих научно-технический прогресс; среди них важнейшей является машиностроение, следовательно, залог успешной реализации концепции ускорения – приоритетное развитие машиностроения. Что это, как не технократический подход? Даже знаменитый тезис о «повышении роли человеческого фактора», хотя в тот период звучал весьма прогрессивно, свидетельствовал о технологическом видении ситуации, когда человек не самоцель, а средство, фактор.

Таким образом, и цель, и средства, и даже терминология, применяемая реформаторами в тот период, носили преимущественно технико-технологический характер. Думается, это дает основание говорить о решающем идейном влиянии технократической части номенклатуры на выработку стратегии ускорения. А самое главное – именно технократическая элита оказалась в выигрыше от перераспределения капиталовложений. В данном контексте для технократии было логично начать следующий этап преобразований – экономическую реформу, которую хозяйственники понимали как право распоряжаться этими капиталовложениями.

Обеспечить свое влияние на выработку идеологии ускорения технократическая элита смогла за счет укрепления кадровых позиций. В первые годы «перестройки» происходила массовая смена номенклатурных кадров, и среди новой волны представители технократии составляли большинство. В первую очередь кардинальные изменения произошли на верхних этажах самой хозяйственной элиты. Занимавшие по несколько десятилетий министерские посты выдвиженцы Брежнева, а порой еще и Сталина, наконец-то уступили свои должности новому поколению директорского корпуса. Уже в 1985–1986 годах сменились 25 из 44 руководителей союзных индустриальных министерств и 8 из 11 заместителей председателя Совмина СССР, руководивших данной сферой. Кстати, и пост председателя правительства в 1985 году занял типичный представитель отечественной технократии Н. Рыжков, около тридцати лет проработавший на различных руководящих должностях в промышленности. К августу 1991 года в составе Правительства СССР все промышленные министерства возглавляли люди, пришедшие на эти должности после смерти Л. Брежнева.

Выходцы из рядов технократии укрепили свои позиции также и в партийном аппарате. В частности, среди первых секретарей обкомов – ключевых фигур партийной иерархии – к началу 1989 года высшее техническое образование имели уже более половины – 53 % [13, с. 43–114]. Как правило, все они имели длительный производственный стаж, в том числе

работали на ключевых должностях промышленности – директорами предприятий. Участились случаи, когда во главе обкомов ставили руководителей непосредственно с хозяйственной должности. В составе политбюро и секретариата ЦК удельный вес обладателей высшего технического образования за 1976–1988 годы вырос с 50 до 62 % [14, с. 10–32]. Семь из двадцати одного, то есть треть высших партийных руководителей, занимали в прошлом должности не ниже директора предприятия. Никогда ранее советская технократическая элита не имела подобного представительства на верхних ступенях партийной иерархии.

Автор вовсе не имеет намерения представить «перестройку» как результат своеобразного заговора технократов. Разрушение тоталитарного режима было обусловлено сложным комплексом причин, и этому способствовала деятельность различных социальных сил. Речь идет о том, что в первые три-четыре года реформы осуществлялись по пути, соответствующему интересам и представлениям большинства хозяйственников. Естественно, что преобразования пользовались поддержкой технократии и для их реализации активно привлекались кадры из ее рядов.

«Технократический» этап «перестройки» продолжался, однако, недолго. Перелом произошел в 1988–1989 годах, когда акцент был перенесен с экономической на политическую реформу, что было связано с очевидной неудачей «ускорения». Одна из основных причин провала политики «ускорения» заключается в слишком тесном сращивании технократии с партократией. Будучи в течение многих десятилетий составной частью номенклатуры, наши технократы не смогли выйти за определенные идеологические рамки. Все попытки реформ подчинялись задаче «совершенствования социализма», а усилия по ускорению научно-технического прогресса осуществлялись почти исключительно привычными административными методами. Советские технократы в своей деятельности только частично опирались на рациональную методологию управления, свойственную их западным коллегам. Соединение примитивного технократизма с партийной идеологией породило лишь очередную утопию.

Не менее важная причина заключается в отсутствии у технократии самостоятельной политической идеологии. Аналогичным образом и на Западе технократия никогда не могла предложить собственной политической стратегии, хотя и оказывала существенное влияние на ее разработку. Технократия, как правило, не составляет самостоятельного политического направления, а принимает «политическую окраску той партии, которая в данный момент стоит у власти, приспособлявая ее к своим интересам» [11, с.372].

Следствием определенной идеологической деморализации технократической элиты стало ее поражение в избирательных кампаниях 1989–1990 годов. Имея огромные материальные и организационные возможности и уже фактически обладая независимостью от партийных органов, директорский корпус неохотно вступал в предвыборную борьбу. Сдали свои позиции технократы и в партийно-государственном руководстве. После 1989 года, вплоть до распада СССР, они не выдвинули в высший эшелон власти ни одной крупной фигуры.

Возникает вопрос: почему отечественная технократия, достигнув в 80-е годы пика своего влияния, так легко и почти без сопротивления сдала свои позиции? Дело в том, что итоги «перестройки» выглядят поражением хозяйственников только с точки зрения борьбы за публичную политическую власть. Действительно, им не удалось осуществить первоначальный замысел «социалистически оформленной модернизации», но свои социальные интересы они реализовали весьма успешно. И если технократическая элита проявила в начале 90-х годов определенное равнодушие к политике, то только потому, что была занята более привлекательным делом: превращением государственной собственности в свою, частную.

В конце 80-х годов советской технократии впервые удалось освободиться от партийного контроля, что позволило приступить к овладению той собственностью, которой они до этого руководили. Решающие изменения во взаимоотношениях хозяйственной и партийной элит стали необратимыми после того, как в 1988 году было принято решение о ликвидации специализированных отраслевых отделов в партийных органах. В результате в ЦК КПСС, например, проблемами промышленности, строительства, транспорта и связи вместо девяти отделов стал заниматься один. В обкомах, горкомах и райкомах партии курировать эти вопросы стал также только один отдел. А ведь именно отраслевые отделы позволяли партии держать экономику под контролем. Поэтому ликвидацию отраслевых отделов можно считать переломным моментом во взаимодействии технократии и партотократии.

После отстранения партийных органов от непосредственного руководства экономикой хозяйственные руководители получили небывалую ранее самостоятельность. Уже с принятием в 1990 году закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности» директора получили независимость не только от партийного, но и от всякого государственного контроля. Они оказались в очень благоприятном с точки зрения эгоистических интересов положении распорядителей государственной собственностью, не отвечающих за результаты своей деятельности ни своим капиталом, ни должностью. Как вспоминал Н. Рыжков, «с одной стороны, они, директора, требовали полной свободы во всем, что касается производства, реализации товара, распределения прибыли, а с другой – настаивали на сохранении системы централизованного обеспечения ресурсами, капиталовложениями» [15, с. 167]. Результатом экономической реформы и стала именно такая модель взаимоотношений директорского корпуса с государством.

Получив самостоятельность, директора начали действовать отнюдь не так, как планировали, рассчитывали «архитекторы перестройки». Рост получаемой предприятиями прибыли не сопровождался соответствующим увеличением доходов бюджета, поскольку большая часть средств оставалась в распоряжении трудовых коллективов, а точнее – директоров. Если в 1985 году в распоряжении предприятий оставалось 46 % прибыли, в том числе 18 % направлялось в фонды экономического стимулирования, то в 1989 году предприятиям оставалось уже 64 % прибыли, в том числе 49 % шло в фонды экономического стимулирования [16, с. 93]. Попросту говоря, доходы «проедались» предприятиями.

Как справедливо отмечала О.В. Крыштановская, в перестроечный период главной привилегией номенклатуры становится «разрешение на прибыль». И, конечно, хозяйственные руководители в силу своего профессионального положения имели существенное преимущество перед другими составными частями номенклатуры. Из десяти перечисленных О.В. Крыштановской способов реализации «разрешения на прибыль» шесть – создание совместных предприятий, получение льготных кредитов, привилегии в экспортно-импортных операциях, «приватизация государства государством», превращение министерств в концерны, приватизация рентабельных производств – были наиболее доступны для представителей технократической элиты [17, с. 55–56]. Кроме того, отличным средством перекачивания государственных средств в собственность руководителей стало создание кооперативов при государственных предприятиях. Характерно, что в 1991 году 80 % всех созданных в стране кооперативов существовали при госпредприятиях, получая от них сырье и арендуя основные фонды [18, с. 5]. А возглавляли такие кооперативы либо сами директора предприятий, либо их приближенные. А самые дальновидные директора задолго до официальной приватизации превращают свои предприятия в акционерные общества (БУТЭК, ВАЗ, КАМАЗ), естественно, обладая контрольным

пакетом акций. Если в начале «перестройки» директора были обычными государственными служащими, то к 1991 году они превратились «де факто» в полных хозяев предприятий.

Для высшей технбюрократии наиболее удобной формой стала трансформация министерств в концерны. Первым на этот путь, как известно, встал В. Черномырдин, превративший Министерство газовой промышленности в концерн «Газпром». В последующие годы его примеру последовали и другие коллеги. По общей схеме президентом концерна становился министр или один из его заместителей, концерн приобретал юридический статус акционерного общества, а держателями акций наряду с предприятиями, входившими в АО, становились физические лица, естественно, из руководства концерна. Таким образом, руководители советской промышленности индустрии» под прикрытием фраз о «перестройке» оказались в числе первых российских капиталистов.

В отличие от партийной элиты, представителям которой в 1991 году пришлось спешно осваивать новые посты и виды деятельности, хозяйственники почти не пострадали в организационном отношении. Практически весь директорский корпус остался на своих местах, а руководители ликвидированных союзных министерств либо возглавили соответствующие департаменты российского правительства, либо благополучно переместились в заранее подготовленные кресла президентов концернов, банков, АО и СП. Главным же достижением технократической элиты стало обеспечение оптимального для себя сценария приватизации.

Следует подчеркнуть, что в период распада и хаоса начала 90-х годов технократическая элита сыграла очень важную в социальном плане стабилизирующую роль. В условиях, когда партаппарат, составлявший стержень всей прежней системы управления был скомпрометирован и разрушен, существовала опасность массового разгрома старых кадров управленцев и прихода совершенно некомпетентных людей. Так в известной мере и произошло, но масштабы данного процесса были сглажены хозяйственниками. В глазах общественного мнения они не несли такой ответственности, как партработники, и поэтому смогли выступить в роли своеобразного посредника между старой номенклатурной элитой и новой «демократической» контрэлитой. Именно благодаря этой посреднической функции хозяйственников стал возможен удивительно быстрый синтез «старых» и «новых» политиков в «партию власти».

Учитывая вышеизложенное, технократическую элиту неправомерно считать потерпевшей стороной в ходе «перестройки». По уровню реализации своих социальных интересов хозяйственники опережают все другие группы бывшего советского общества, может быть, исключая криминалитет. Советская технократическая элита добилась даже большего, чем рассчитывала в начале «перестройки»: вместо расширения экономической самостоятельности она фактически получила в собственность прежнее госимущество. Тем самым она поменяла свой социальный статус, превратившись в часть нового класса российских капиталистов.

Список литературы

1. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: АСТ, 2003. – 663 с.
2. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. – М.: Политиздат, 1974. – С. 165–208.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. – М.: Политиздат, 1970. – 606 с.
4. Ленин В.И. Доклад о внешней и внутренней политике совета народных комиссаров на заседании Петроградского Совета 19 марта 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. – М.: Политиздат, 1969. – С. 1–7.

5. Кислицын С.А. Шахтинское дело. – Ростов на Дону: Логос, 1993. – 110 с.
6. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Т. 1. – М.: Партиздат, 1930. – 718 с.
7. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 2–29.
8. Подготовка кадров в СССР. 1927–1931. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1933. – 260 с.
9. Народное хозяйство СССР за 70 лет. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.
10. Мохов В.П. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2000. – 204 с.
11. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969. – 480 с.
12. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. – М.: Интеллект. – 416 с.
13. Состав Центрального комитета КПСС // Известия ЦК КПСС. – № 2. – С. 43–114.
14. Руководящие органы Центрального комитета КПСС // Известия ЦК КПСС. – № 1. – С. 10–32.
15. Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. – М.: Новости, 1992. – 400 с.
16. Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс. – М.: Политиздат, 1991. – 304 с.
17. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 51–65.
18. Проблемы экономической эффективности кооперативного движения // Экономика и жизнь. – 1991. – № 20.

References

1. Toffler E.H. *Metamorfozy vlasti* [Metamorphoses of power]. Moscow, AST, 2003, 663 p.
2. Lenin V.I. *Ocherednye zadachi Sovetskoi vlasti* [The next tasks of the Soviet government]. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol.36. Moscow, Politizdat, 1974, pp.165-208.
3. *KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh sezdov, konferentsii i plenumov TSK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol.2. Moscow, Politizdat, 1970, 606 p.
4. Lenin V.I. *Doklad o vneshnei i vnutrennei politike soveta narodnykh komissarov na zasedanii Petrogradskogo Soveta 19 marta 1919 g* [Report on the foreign and domestic policies of the council of people's commissars at a meeting of the Petrograd Soviet on March 19, 1919]. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol.38. Moscow, Politizdat, 1969, pp.1-7.
5. Kislicyn S.A. *Shakhtinskoe delo* [Shakhty business]. Rostov na Donu, Logos, 1993, 110 p.
6. *XVI sezd VKP(b). Stenograficheskii otchet* [XVI Congress of the CPSU (b). Verbatim report]. Vol.1. Moscow, Partizdat, 1930, 718 p.
7. *Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma TSK VKB(b) 1937 goda* [Materials of the February-March Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) of 1937]. *Voprosy istorii*, 1994, no.8, pp. 2-29.
8. *Podgotovka kadrov v SSSR. 1927-1931* [Training in the USSR. 1927-1931]. Moscow; Leningrad, Sotsekgiz, 1933, 260 p.
9. *Narodnoe khoziaistvo SSSR za 70 let* [National economy of the USSR for 70 years]. Moscow, Finansy i statistika, 1987, 766 p.
10. *Mohov V.P. Elitizm i istoriia: Problemy izucheniia sovetskikh regionalnykh elit* [Elitism and history: Problems of studying Soviet regional elites]. Perm, Permskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2000, 204 p.
11. *Gelbreit D. Novoe industrialnoe obshchestvo* [New industrial society]. Moscow, Progress, 1969, 480 p.
12. *Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity Rossii* [Political elites of Russia]. Moscow, Intellekt, 416 p.
13. *Sostav Tsentralnogo komiteta KPSS. Izvestiia CK KPSS*, no. 2, pp.43-114.
14. *Rukovodiashchie organy Tsentralnogo komiteta KPSS* [The governing bodies of the Central Committee of the CPSU]. *Izvestiia Tsentralnogo Komiteta Kommunisticheskoi Partii Sovetskogo Soiuza*, no. 1, pp.10-32.
15. *Ryzhkov N.I. Perestroika: istoriia predatelstv* [Perestroika: a history of betrayal]. Moscow, Novosti, 1992, 400 p.
16. *Abalkin L.I. Neispolzovannyi shans* [Unused chance]. Moscow, Politizdat, 1991, 304 p.
17. *Kryshchanovskaia O.V. Transformatsiia staroi nomenklatury v novuiu rossiiskuiu elitu* [The transformation of the old nomenclature into the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1995, no. 1, pp. 51-65.
18. *Problemy ekonomicheskoi effektivnosti kooperativnogo dvizheniia* [Problems of economic efficiency of cooperative movement]. *Ekonomika i Zhizn*, 1991, no.20, p.5.

Получено: 01.02.2018

Принято к печати: 27.05.2018